

"Люди лишены сердца", - так думал Дзюнпей Ёсино, утопая в наивности и недостатке жизненного опыта. Махито, безусловно, способствовал укреплению этой мысли, усиливая уже зародившееся в Дзюнпее семя сомнений и играя на его чувстве неполноценности и одиночества.

Это противно? Не мне судить, но, думаю, да. Глупо ли это? Подростковый максимализм не так уж глуп, если задуматься. Жаль ли мне Дзюнпея? Честно говоря, нет. Я всегда считал, что мы - заложники собственных желаний. Поэтому, видя замкнутого и апатичного человека, равнодушного к другим из-за такой мелочи, как издевательства, я не испытывал сочувствия. Жестоко? Возможно. Но не каждый день встречается подросток, который, из-за издевательств, готов принизить ценность жизни, считая себя мудрецом, увидевшим уродливую сторону человечества.

С другой стороны, мне жаль Нанами, человека, который видел гораздо больше "человеческой грязи", но оставшегося адекватным взрослым, готовым нести бремя чужих жизней на своих плечах.

Тем не менее, я оказался здесь, сидя напротив спящей женщины - матери депрессивного социопата, Наги Ёсино. Это молодая женщина со стройной фигурой, с черными, немного взъерошенными волосами до плеч и спокойным, безмятежным лицом, напоминающим Дзюнпея. Именно эти мелкие детали привели меня сюда. И пусть никто не думает, что в этом есть какой-то скрытый смысл!

В тишине кухни, где каждая вещь казалась отражением её внутреннего мира, я размышлял о судьбе Дзюнпея, стирая остатки недавно проведенного духовного ритуала. Всё вокруг напоминало, как тонка грань между одиночеством и отчуждением. Наги, хотя и казалась такой же уязвимой, как и её сын, обладала внутренней силой, помогавшей ей справляться в этих непростых условиях. Её спокойствие во сне контрастировало с внутренней борьбой её сына.

Вероятно, именно поэтому Нанами убежден, что обязанности шамана не подходят ребенку. Ведь как можно быть уверенным в том, что правильно, а что нет, если ты еще не способен контролировать свое возбуждение и полеты фантазии? Правда в том, что даже взрослые не всегда могут с уверенностью сказать, что их выбор был верным. Однако они обладают достаточной мудростью, чтобы признать свою ошибку, даже если вначале им казалось, что все предпосылки вели их в верном направлении.

В моем сердце зародилось странное чувство. Это не сочувствие, не жалость, а скорее грусть по поводу неизбежности некоторых вещей в жизни. Мы все ищем смысл, сталкиваемся с трудностями, и, к сожалению, в трудный для Дзюнпея момент перед ним появился тот, кто всеми правдами и неправдами сыграл с ним злую шутку. Дзюнпей выбрал путь отчаяния, в то время как его мать выбрала путь терпения и молчаливого принятия. Конечно, выбор Наги для кого-то может показаться трусливым и безответственным, но лично я считаю, что если ты не уверен в чем-то, то лучше вовсе не вмешиваться. В конце концов, не делая выбора, ты избегаешь ответственности, которая в будущем может обернуться против тебя.

Я взглянул на часы. Время неумолимо шло, а я все еще сидел здесь, погруженный в размышления. Мне предстояло решить, как действовать дальше. Помочь Дзюнпею? Спасти Наги и помочь себе? Или просто уйти, оставив их справляться со своими проблемами самостоятельно?

Я погружался в глубокие раздумья, вращая в пальцах "Палец Сукуны".

— Когда я начал считать себя вправе решать, кто достоин жить, а кто обречен на смерть? — задавал я себе вопрос, изумленный своей собственной дерзостью и аrogантностью.

В последнее время я чувствовал, как моё сердце становится тверже, словно окаменело под тяжестью принятых решений. Возможно, именно поэтому я здесь, в попытке обмануть самого себя. И вправду, какая ирония: человек, который позволил произойти трагедии в Сибуре, теперь жаждет спасти кого-то из сочувствия... Не лицемерие ли это?

"Может, стоит потратить часть зарплаты на сеансы у психотерапевта?" - промелькнула мысль.

В этот момент я был вырван из своих размышлений. Наги моргнула, медленно пробуждаясь от сна. Её взгляд, полный сонной невинности, контрастировал с моими мрачными раздумьями.

— Доброе утро, красавица, — приветствовал я, глядя на пробуждающуюся Наги.

Она потянулась, ещё не осознавая моего присутствия, и спросила:

— Интересно, Юджи уже ушел домой?

В её голосе не было удивления или беспокойства, что заставило меня задуматься.

"Она не заметила меня? Я ведь сижу напротив. Теперь ясно, почему Дзюнпей такой... необычный"

Когда она наконец заметила меня, её взгляд наполнился смешением удивления и смущения.

— А ты кто? — спросила она, пристально глядя на меня.

Я слегка опешил от ее реакции.

— И всё? — удивился я. — Где испуганные крики? Где возгласы о грабителе?

Я ожидал чего-то более драматичного, но Наги казалась слишком спокойной для такой ситуации. Моё присутствие в её доме, казалось, не вызывало у неё особого тревожности, что было странным и одновременно интересным.

"Эта женщина, похоже, полна сюрпризов," — подумал я с легкой улыбкой.

Наги внимательно осмотрела меня и ответила:

— У тебя такая же форма, как и у Юджи.

Я кивнул в ответ. В принципе логично.

— Хотя, факт того, что ты вошел в мой дом без спроса, наводит на размышления о твоём воспитании, молодой человек, — Наги продолжила с легким укором.

— Ты знаешь, что это, — сказал я, игнорируя ее замечание о воспитании и переводя разговор на кусок плоти в моей руке.

Наги удивленно взглянула на меня:

— Палец? Что он тут делает?

— Лучше я покажу, чем объясню, — ответил я. В следующее мгновение, я создал три сгустка проклятой энергии над своей свободной ладонью и направил их в пустые пивные банки.

Мгновение спустя, банки смялись и обгорели.

— Что это было? — удивленно спросила она.

— И еще это, — сказал я и, используя упрощенную версию “Руко-меча”, расплавил вилку в своей ладони, откуда, через секунду, начал капать расплавленный металл.

— Ты фокусник? — спросила Наги. Её взгляд был растерянным, а голос лишен эмоций.

— Честно говоря, я никогда раньше этого не делал, так что не знаю, что сказать. Но главное, что ты должна знать — твой сын в опасности, и я здесь, чтобы спасти тебя.

— С Дзюнпеем что-то случилось? — спросила она, резко вставая и опрокидывая стул.

— Пока нет, — покачал я головой. — Но твоя смерть должна была стать катализатором для этого.

— Где Дзюнпей? — нахмурилась Наги.

— Не знаю, — признался я, пожимая плечами.

— Юдзи мне нравится больше, чем ты, — вздохнула Наги.

Я лишь подумал: "А это тут причем?"

— Видишь этот палец? — я продолжил, игнорируя её комментарий и махая перед ней пальцем Сукуны. — А теперь посмотри за спину.

Под воздействием моего [Подстрекательства], Наги обернулась, стараясь держать меня в пределах бокового зрения. Однако её внимание быстро переключилось на существо, которое, казалось, выросло прямо из пола.

— Ааааа!!! — вот и испуганный крик, который я ожидал услышать ранее.

◇◇

— Откуда у тебя все это? — обратилась ко мне Наги, чье лицо исказилось от мерзкого запаха крови и человеческих останков.

— Моя... подруга работает в морге, — просто ответил я, раскидывая вокруг кухонного стола “улики”, после чего перевел взгляд на женщину. — Я предупреждал тебя, что не стоит смотреть за этим.

— А я не давала своего согласия устроить весь этот театр, — раздраженно нахмурилась Наги с побледневшим лицом.

Я же не стал что-либо отвечать на это.

Подстраивая убийство Наги, я параллельно погружался в изучение ее души через "Духовное зрение". Наблюдая за результатами моих усилий, я ощущал глубокое удовлетворение.

Проведенный мной духовный ритуал предназначался для реконструкции затылочной коры Наги, что, как предполагалось, должно было дать ей способность видеть Проклятья. Хотя я не был полностью уверен в успехе, учитывая уже трагическую судьбу этой женщины, я решил рискнуть — и не ошибся. Иронично, что тот, кто когда-то убил ее, теперь помогал спасти. Именно благодаря Махито я понял, каким должен быть итог реконструкции мозга.

"Однако, получается, что я провел эксперимент над обычным человеком..." — промелькнула мысль в моем сознании.

В некотором роде это было так, но вероятность неудачи составляла менее десяти процентов. Да и эти десять процентов учитывали человеческий фактор и возможные особенности проклятой техники Махито, которая возможно облегчала процесс реконструкции. Так что чувство вины меня не мучило.

— Я не позволю моему ребенку думать, что я умерла. Даже если это необходимо для поимки опасного преступника, — повысив голос, заявила Наги, заметив мое безразличие.

— И завершающий штрих, — я положил палец Сукуны на стол. Хотелось поиграться с этим предметом подольше, но важные дела ждали.

— Ты меня не слышишь!?! — вскрикнула Наги, стремясь привлечь мое внимание. — Я никуда не пойду.

Окинув взглядом женщину, я задумался. Я и вправду мог бы всё объяснить Дзюнпею и попросить его устроить инцидент в школе "Сатозакура". С одной стороны, так я бы не вел себя, как мразь, но с другой - Махито видит души и, как и я, знает, когда люди лгут или нервничают. Так что лучше я буду негодяем, играющим на чувствах, чем рискну из-за сентиментальности и позволю чему-то пойти не так.

— И ты называешь это любовью? — я наконец-то ответил женщине, встав напротив нее.

— О... о чем ты? — неуверенно спросила женщина.

— Я не думаю, что ты так противишься этому, потому что любишь своего сына. Я так не думаю... — не отводя взгляд от карих глаз Наги, продолжил. — Я думаю, что ты любишь его, потому что противишься. И это меня раздражает больше всего. Оправдывать собственный эгоизм любовью, делать что-то не из-за любви, а ради нее — все это обычный самообман. Так что давай я задам тебе вопрос: ты хочешь спасти своего сына любой ценой или любой ценой спасти свой образ матери?

— Юдзи мне нравится больше, чем ты.

<http://tl.rulate.ru/book/98282/3657009>